

Владимир Семёнов

Логика платоновского «Парменида» и логика Гегеля

«Парменид» — один из сложнейших диалогов в творчестве Платона. И оценки его значимости колеблются от «высочайшего достижения человеческой мысли» до «вольных упражнений по риторике», «логической тренировки». А причина в том, что трудно понять этот диалог в отрыве от проблем, раздиравших древнегреческую философскую мысль. Идея «Парменида» вызревала на фоне первого кризиса античной философии эмпиризма, который привёл к пониманию того, что ни эмпирические (чувственные, опытные) данные, ни понятия естественного языка с его обобщающими абстракциями любого уровня (причина невыразимости единичного) не способны дать знания или представления об объективной реальности (невыразимость, неизречённость абсолютного). Античный древнегреческий эмпиризм давно вынашивал в себе зачатки агностицизма, которые оформились в «системную» критику в философии Протагора, у софистов и в скептицизме Пиррона и его последователей. Агностицизм всегда полагал, что познание возможно только через опыт, который он считал

субъективным (необъективным). Следовательно, любая метафизика, выросшая из опытных наук, бессмысленна.

Альтернативным подходом к объяснению объективной реальности было учение Парменида о бытии, которое исходило из ее субстанциальности. Это философия такой реальности, которая не дана в опыте, не постигаема мистическим переживанием и не выразима в рассудочном понятии. Сократ четко показал, что понятия логики сверхчувственного не могут быть получены путем обобщающего абстрагирования, у них нет эмпирического эквивалента, соответствующего им объекта. Красота сама по себе, мужество само по себе, благо само по себе и т. п. оказались неизречёнными, необъяснимыми в терминах обыденной логики. Неэмпирическое (сверхэмпирическое, сверхчувственное) требовало новой логики, но её не было, оставалась только интуиция. Платон вначале по примеру Парменида постигал недоступную дискурсивному охвату реальность интуитивно и отображал в мифе, аллегории, метафоре. Лучше миф, чем обобщение (обобщающее абстрагирование). Образы мифов дают хоть какое-то представление о неизречённом знании и побуждают к поиску его логической формы. От диалога к диалогу идея логики сверхчувственной реальности пробивала себе дорогу. Вот почему полностью лишенный мифов диалог «Парменид» и его логику следует считать апофеозом, итогом всех исканий Платона.

Сам диалог можно разделить на две части. Первая меньшая часть представляет собой своеобразное введение в логику, разграничивающее свойства идей и свойства вещей (и мышление о них). В своём диалоге Платон полностью становится на позицию Парменида, даже изложение основной части диалога идёт не от лица Сократа, как обычно, а от лица Парменида. Идеи — нечто вечное, всеобщее, слитное, не дробящееся. Вещи же и явления эмпирического мира преходящи, множественны, подвержены изменениям и допускают различные трактовки. Так, Зенон вопреки очевидности приводит логическое доказательство обратному, без особого труда обосновывая, что «многое не существует» (апо-

рия предикации). И при этом подчёркивает, что для эмпирии это самая естественная и обычная ситуация, а не «некий великий замысел» [Парменид 128с–е].

Платон радикально отказывается от объективного существования мира вещей. Эйдос, эйдетическое бытие есть нечто настолько высокое, божественное, что никак не может находиться в соответствии с каким-либо эмпирическим предметом [130d–e]. Отсюда понятно, что если эйдос не имеет никакого отношения к понятию вещи, то эйдология — не метафизика!

Главный вывод, который делает Платон устами Парменида, утверждает, что идеи существуют сами по себе и лишь к самим себе относятся, и точно так же вещи или их подобия в нас имеют отношение только друг к другу [133с–134а]. Конечно, вещи каким-то образом «приобщаются к идеям, но не посредством подобия: надо искать какой-то другой способ их приобщения» [133а].

Платон однозначно и четко по-парменидовски противопоставил в диалоге сверхчувственное и эмпирическое (вещественно-телесное), однако нужно понимать, что противопоставление это реализовано в гносеологическом плане. Вещи, по Платону, не существуют для мира идей (субстанции), но остаются некоторым образом причастными к идеям. Мир идей абсолютен (он существует «сам по себе»), вне абсолютного не может быть ничего, так как и оно само ни для чего не может быть иным. Доводя эту мысль до логического завершения, следует сделать вывод, что вещи являются некоторой частью этого абсолюта, но частью своеобразной, ибо находятся в таком отношении к нему, что не влияют ни на его законы, ни на его состояние, существуют как искажение эйдоса или, иначе, являются некоторым временным, случайным (частным, невсеобщим), то есть несущественным изменением самого эйдоса. Это и равнозначно тому, что они для него, как для закона, не существуют. Традиционно после Платона идеализм и рассматривает вещественно-телесные образования как некоторую модификацию части самого идеального.

Вторая часть диалога относится собственно к логике. Философия софистов предполагала возможность доказательства любого тезиса как следствие идеи того, что обыденной (традиционной) логики достаточно для описания реальности. Даже неизреченное лишь условно неизреченно, ибо о нем говорится обыденным языком. Для софистов проблемы логики сверхчувственного мира просто не существовало. Позднее, в неоплатонической традиции гипотезы рассматриваются не как изложение всеобщих законов логики, не как этапы логики сверхчувственного мира, а как теософическое описание онтологической иерархии бытия, вплоть до «второй материи», из которой составлен чувственный космос. Здесь иное оказывается вне существования единого. Сама логика диалектического монизма игнорируется. По-видимому, только Гегель смог увидеть в платоновской логике завершённое целостное образование и единство законов, её образующих.

Гегель очень высоко ценил логику Платона, более того, сравнение текстов показывает, что он шел уже по проторенному пути. Он чётко указывает на то, что «разработанная диалектика в собственном смысле содержится именно в “Пармениде”, этом знаменитейшем шедевре платоновской диалектики» [Гегель 1994: 160]. Между законами логики, изложенной в гипотезах Платона (гипотеза как «основа», «основание»), и законами логики Гегеля (в движении идеи от бытия до понятия) существует полное совпадение. В обоих случаях это структура логики диалектического субстанциализма. В восьми гипотезах Платона на примере логики единого объясняются принципы и законы диалектической логики, излагается концепция, которая позволяет воспроизвести в понятии дотоле неизречённое и представить развитие мысли как вневременной процесс.

Вторую часть диалога «Парменид», или логику гипотез, обычно делят тоже на две части. Формально (для анализа логики) это допустимо. Первую, состоящую из четырёх гипотез, рассматривают как полагание единого [Парменид 137c–160b].

Первая гипотеза [137с–142а] говорит о том, что исходной категорией логики является всеобщее единое. Платон показывает, что если единое есть только единое, то есть не имеет предикатов, то в реальности такое «единое никаким образом не существует» [141е], то есть является обобщающим абстрагированием. «Начиная мыслить, мы не имеем ничего, кроме мысли в её чистой неопределённости» [Гегель 1974: 218] — писал Гегель. И подчёркивал в этой связи: «*Субъект без предиката* — это то же, что в явлении *вещь без свойств, вещь-в-себе*, — пустое неопределённое основание...» [Гегель 1972: 65–66]. Вот почему в этом случае «не существует ни имени, ни слова для него, ни знания о нём, ни чувственного его восприятия, ни мнения» [Парменид 142а]. Единое только как обобщающее понятие — пустой звук, ибо и чувственно данное, и диалектический смысл отсутствуют в нём. Но Платон понимает, что как момент идеи (субстанции) единое совпадает с ней и потому в себе содержательно; в себе абстрактно-всеобщее на самом деле есть истинное единое. Отсюда его вопрос по поводу подобного «ничто» не выглядит странным: «Но возможно ли, чтобы так обстояло дело с единым?» И отвечает: «Нет» [142а]. «Начало есть *логическое* начало» [Гегель 1970: 125], но природа такого «начала требует, чтобы оно было бытием и больше ничем» [Гегель 1970: 129] — фактически повторяет Платона Гегель. У него чистое бытие и ничто есть начало, как первые определения бытия — исчезающие его моменты. Заметим при этом, что диалектическое «ничто» это омоним обыденного понятия «ничто» — понятия из мира мнения. Платон говорил, например, что небытие существует [Софист 258е] и указывает лишь на любое «иное по отношению к бытию» [259а], следовательно, «мы по праву можем назвать всё без исключения небытием» [256е].

Итак, первое определение идеи абстрактно-всеобщее, и хотя само содержание понятия её находится ещё в состоянии потенциального, оно тем не менее уже содержит в себе в снятом виде все моменты содержания этого понятия, то есть всю логику (вневременность понятия и логики). Нужно всё-таки согласиться

с тем, что это открытие не Гегеля, а Платона, хотя последний и не пользуется категорией «снятие». И не важно, что Гегель начинает исследование идеи (субстанции) с категории (субъекта логики) бытия, а Платон с единого — это, как мы ещё увидим, различием и не является, тем более, что в диалоге «Софист», в своём, как представляется, первом варианте логики, Платон субъектом этой логики определяет бытие.

Таким образом, первая гипотеза логики «Парменида» и отвечает на очень важный и принципиальный вопрос: каким диалектическое единое не должно быть (а должно оно быть содержательным), или каковым оно оказывается, не будучи диалектическим. Единое не может существовать как изолированное понятие, оно — целая концепция, которая раскрывается в последующих гипотезах. И Платон и Гегель опираются на диалектику тождества противоположностей с их самодвижением, интуитивно понимая, что только такая логика способна объяснить причину единства мира и причину его существования.

Вторая гипотеза [Парменид 142b–157a] — в ней рассматривается начало движения самой логики, которая развёртывается из единого, содержащего в снятом виде и субъект, и все его предикаты. Платон начинает диалектическую логику с анализа её субъекта, обозначив его категорией «единое» («если единое существует, надо принять следствия, вытекающие для единого...» [Парменид 142b]). Как содержательная идея оно имеет субъект и предикаты, а в процессе развёртывания тождества противоположностей субъект и предикат оказываются лишь его моментами (выступают то как противоположности, то как тождества). Поэтому разница, с чего начинать, не принципиальная, на то и существует в диалектике фундаментальная идея, называемая «круг в определении понятия идеи». Любая связь — «субъект — предикат» или «предикат — предикат» рефлексивна и рассматривается в три ступени: тезис — антитезис — синтез. Эта триада — основа диалектики Платона и Гегеля. Платон начинает с субъекта — единого и рассматривает его свойства как тезис и антитезис, которые

в синтезе вновь определяют субъект (то есть опять же единое), но уже как более конкретный субъект. Круговое движение понятий реализуется через субъектно-предикатную структуру логики. В непрерывном круге развёртывается понятие. «Каждый момент понятия сам есть целое понятие... *положенное как тотальность*» [Гегель 1974: 345], а «атрибут — это... абсолютное в простом *тождестве с собой*» [Гегель 1971: 178]. В диалектической логике предикат есть субъект, «согласно понятию, они *тождественны*» [Гегель 1974: 354], и это не формальное тождество, а единство различённого, это моменты, снимающиеся в умозаключении, в движении понятия. И «субъект и предикат суть *в себе* одно и то же содержание» [Гегель 1972: 104].

В логике единого все его определения (процесс конкретизации) реализуются либо через тождественное, либо через иное (противоположное). «Оно должно быть тождественным самому себе и отличным от самого себя и точно так же тождественным другому и отличным от него...» [Парменид 146a–b]. У Гегеля это начало движения от абстрактного к конкретному. Принято считать, что Гегель начинает развёртывание логики с предиката (и такой вариант правомерен, ибо предикат, как момент, тождествен субъекту), однако в начале раздела «Учение о бытии» он говорит, что это чистое «само бытие» рассматривается как определение абсолютного [Гегель 1974: 215], то есть логика, как и у Платона, начинается с субъекта. Бытие есть «сфера логической идеи», «тотальность определений» её и изображение абсолюта [Гегель 1974: 216].

Платон развёртывает диалектику тождества противоположностей. Платоновское единое как субъект раздваивается на опосредствующиеся в едином предикаты тождественности и нетождественности, причастности и непричастности, части и целого, единого и многого, ограниченного и бесконечного и др. Любая категория может выступать не только в качестве предиката, но и в качестве субъекта (круг в определении понятия, то есть идеи, субстанции). Называя одну, мы в принципе имеем в виду все осталь-

ные [143b-147b]. Платон подчёркивает, что в восхождении от абстрактного к конкретному единое не имеет никакого развития, оно вне времени: «единое было, есть и будет; оно становилось, становится и будет становиться» [155d]. Но самый главный вывод из диалектики тождества — если субъект обозначен как «единое», то «все, что относится к другому, относится и к единому» [155d-e] и наоборот.

В *третьей гипотезе* [157b-159a] Платон объясняет динамику тождества противоположностей в самом ином, т. е. в антиномии единого. «Что должно испытывать другое — не-единое, если единое существует» [157b]? Речь идёт о диалектической противоположности единого. Иное как утверждаемая полярная противоположность отрицает единое и потому не есть единое [157b]. Естественно, что единое отрицается иным как своим иным (такова логика тождества противоположностей), поэтому «другое не вовсе лишено единого, но некоторым образом причастно ему» [157c]. Эту причастность Гегель рассматривает как «снятую противоположность». Естественно, что иное раскрывается в рефлексии отрицания единого (то есть снятой противоположности); «[части] другого в отношении единого тождественны себе самим и отличны друг от друга, движутся и покоятся и имеют все противоположные свойства, коль скоро обнаружилось, что они обладают упомянутыми свойствами» [159a-b]. В утверждении ранее отрицаемого иного Платон привлекает категории части и целого [157c], единого и многого [157d-e], предела и беспредельного [158c-d], подобного и неподобного [158d], тождественного и нетождественного [159a-b]. В своей взаимной полярности всё перечисленное будет подобно и неподобно себе самому и друг другу [159a]. Аналогия с действиями над предикатом, противоположным единому, будет полная, ибо каждая из противоположностей содержит в себе другую и одна пара предикатов связана с другой через тождество их в субъекте (тезис — антитезис — синтез), то есть через то же снятие. Всё это «дело ясное» [159b], ибо

опирается на принцип идеи «круга в определении понятия», которая взята на вооружение Гегелем.

В четвертой гипотезе [159b–160b] Платон показывает, что любой предикат единого можно развернуть точно так же, как и само единое: «если есть единое, окажется ли другое в отношении единого в совсем ином положении или в том же самом?» [159b]. Как выясняется, в том же самом, усвоил это и Гегель: «предикат есть субъект», — подчёркивал он. Платон фактически ещё раз напоминает о том, что все перечисленные свойства иного, а равно и отношения тождества противоположностей с единым, будут иметь место лишь при условии, что единое не родом из мира мнения, то есть не является обобщающей абстракцией, пустым бессодержательным множеством. Если единое есть исключительно лишь единое, то оно не существует не только для себя (о чём говорится в первой гипотезе [137c–142a]), но и для иного (другого). Более того, если единое таково, то в логике не должно существовать и этого иного [159d–160b]. Главное для логики — сохранение постоянного субъекта, (идеи, субстанции). Субъектом в данном случае (в умозаключении) является единое, если этого единого нет, то есть непрерывная цепь умозаключений прерывается, то всякая диалектика иного бессмысленна или искусственна [159b–160b]; «положительное, взятое для себя, лишено смысла, оно непременно соотносено с отрицательным. Точно так же обстоит дело с отрицательным» [Гегель 1974: 263].

Вторая часть логики гипотез обычно обозначается как отрицание единого [Парменид 160b–166c]. В ней следующие четыре гипотезы отражают особенности второго этапа развёртывания логики, они имеют общую предпосылку: «Единого не существует». Противоречие первой и второй части логики только кажущееся, вернее, оно возникает из-за метафизической (недиалектической) трактовки платоновской логики.

Пятая гипотеза [160b–163b] — это следующий этап развёртывания логики единого (идеи, субстанции), этап вроде бы вовсе «несуществующего единого». Субъект логики — единое — не

только снимается, но и обозначается иной категорией. Однако несуществующее единое не лишено перечисленных ранее предикатов, и, несмотря на своё отрицание, функционально должно претерпевать все прежние изменения (взаимодействия предикатов и субъекта) [160b–163b]. Есть единый принцип снятия категорий (через посредство тождества противоположностей) в каждой сфере (или системной категории) диалектической логики, но сами сферы, как этапы логики, соединены по принципу простого тождества в субъекте со сменой названия этого субъекта (другой вид снятия). Цикл завершился, единое как субъект логики исчерпало себя, следовательно, должен смениться субъект логики, новый субъект тоже должен раскрыть себя как противоречивый. Между этими двумя субъектами нет полярности, нет тождества противоположностей, хотя в сущности оба субъекта тождественны, так как имеют один и тот же денотат. То же у Гегеля. Первый субъект логики — «бытие» — в движении от абстрактного бытия к конкретному исчерпало себя в своих определениях, и Гегель говорит по этому поводу: «Каждая сфера логической идеи оказывается некоей тотальностью определений и неким изображением абсолюта» [Гегель 1974: 216]. У него это новый, очередной тип снятия — снятие «сфер идеи», системных категорий, каждая из которых, как субстанция, развёртывается от абстрактного к конкретному: бытие снимается сущностью, сущность — понятием. «Несуществующие» бытие и сущность присутствуют в снятом виде в диалектике понятия. У всех них один и тот же субъект (денотат) логики — идея, субстанция.

У Платона еще не возникла сама категория «снятие», он более интуитивен, чем Гегель, но четко следует логике снятия. Единое, исчерпав все свои определения, уже не определяет дальнейшую рефлексию в качестве субъекта, но «некоторым образом» неявно продолжает присутствовать [Парменид 163c]. Меняются определения субъекта, неизменным остаётся его денотат. По этому поводу Платон говорит: «А разве изменяющемуся не должно становиться другим, чем прежде, и гибнуть в отношении прежнего

своего состояния, а не изменяющемуся — не становиться [другим] и не гибнуть? — Должно» [163a–b]. Именно это и происходит с единым как субъектом. «Чем должно быть единое, если оно не существует? ...ему, прежде всего, должно быть присуще то, что оно познаваемо...» [160d]. Оно гибнет только «в отношении прежнего своего состояния» [163a–b].

Шестая гипотеза [163b–164b] уточняет, что единое как субъект логики — это момент живой идеи, субстанции, оно поддерживает ее жизнь и жизнь понятия даже после того как становится «несуществующим». Оно изменяется и не изменяется, становится и не становится, гибнет и не гибнет, приобщается к бытию и утрачивает бытие [163b–163e]. Вся особенность денотата субъекта логики, то есть идеи, субстанции, состоит в том, что он, как тотальность, в снятом виде присутствует в каждом этапе развёртывания логики, в каждой её категории, присутствует не как нечто мёртвое, отработанное и складированное, а функционально, как постоянное и вневременное. Если этого нет, то ничего нет — ни логики, ни причины существования мира. Если несуществующее единое не имеет взаимодействующих предикатов, то такое несуществующее единое ничего не претерпевает. Однако нет отсутствия бытия у того, что мы называем несуществующим [163c]. Единое как субъект логики — это момент живой идеи, субстанции, оно и отражает эту жизнь. Без этого единое никак не существует и не имеет никакого бытия [163d]. Если снятое не будет таковым (полноценным, функциональным), то не будет никакой логики и никакой диалектики иного.

Седьмая гипотеза [164b–165d] рассматривает законы нового этапа логики как законы «иного не-единого». Платон берёт категорию «иное», но это не «иное единого» из тождества противоположностей первой части логики. Порой внешняя похожесть категорий сбивает с толку читателя, но нужно понимать, что в отличие от Гегеля Платон описывает только схему (конструкцию) логики и берёт такую категорию, чтобы показать лишь сам принцип построения логики. В данном случае не так важно, как кон-

кретно будет называться следующий субъект (или «сфера логики», как его обозначает Гегель), главное — объяснить правила развёртывания логики, законы её движения. Так как произошло снятие (и изменение названия) субъекта логики, исходным пунктом нового движения от абстрактного к конкретному (новым этапом развёртывания логики) оказывается не единое, а иное — это и идея, и абсолют, и субстанция. И своей противоположностью это иное должно иметь не единое, которое являлось субъектом логики, а другое иное. «Следовательно, оно иное по отношению к себе самому, ибо ему остаётся только это, или оно не будет иным по отношению к чему бы то ни было» [164с]. Иное в качестве утверждаемого и отрицаемого, как в случае с единым, опосредуется полярными предикатами. Для утверждения и конкретизации (синтеза) иного (в движении его от абстрактного к конкретному) используются категории единое и многое, беспредельное и имеющее предел, тождественное и различное, подобное и неподобное, соприкасающееся и разделённое, движущееся и покоящееся, возникающее и гибнущее и т. д. [164с–165е]. Другими словами, вся рефлексия иного есть отношение не с единым как субъектом логики, а с самим собой. Точно также и у Гегеля: этап бытия, пройдя путь от абстрактного к конкретному, исчерпал возможности рефлексии («если (в сфере бытия) нечто стало другим, то тем самым нечто исчезло» [Гегель 1974: 262]), а сущность уже есть понятие, положенное как «отношение с самим собой» [Гегель 1974: 264] в своём восхождении от абстрактного к конкретному (хотя, конечно, отражая вместе с бытием один и тот же денотат, истинно, в сущности другой она никогда и не сможет быть [Гегель 1974: 263]).

Восьмая гипотеза [Парменид 165е–166с] — это заключительное объяснение особенностей нового типа снятия, то, что Гегель назвал впоследствии снятием «системных категорий», или «сфер идеи». Сам Платон в «Софисте» называл их главнейшими родами [Софист 254е], а в «Пармениде» этот тип снятия проанализировал на отношении единого и иного не-единого. «Вернёмся в

последний раз к началу и обсудим, чем должно быть иное в отношении единого, если единое не существует» [Парменид 165e]. Логика прошла путь от одного субъекта, то есть единого, до другого — иного (иное не-единого). Между ними нет рефлексивных отношений, т. е. единое «решительно никак не мыслится иным» [166a], но при этом, «если единое не существует, то и иное не существует и его нельзя мыслить ни как единое, ни как многое» [166b].

Алгоритм циклического движения категорий в «Пармениде» представлен исчерпывающе, законы логики даны. Платон заканчивает её изложение повторением самого важного момента всей логики: «если единое не существует, то ничего не существует» [166c]. Нет реальности без идеи, субстанции, как нет логики субстанции без общего, единого субъекта, который возникает в самом начальном её этапе и в снятом виде существует до конца. Диалектическая логика воспроизведена, невыразимое выражено, неизречённое изречено.

Платон не был первым субстанциалистом, но он решил самую сложную задачу этой философии — создал ее логику, логику диалектического субстанциализма. Со стороны выглядит просто: он взял обобщающую абстракцию, отбросил её прежнее значение («содержание») и наполнил диалектическим содержанием. Применив принцип снятия, сделал всю конструкцию вневременной. Получилась новая концепция понятия, содержательного понятия, которое возникает не в обобщающем абстрагировании, а в процессе снятия противоположностей, в процессе воспроизведения атрибутов субстанции. Диалектические (разумные, субстанциальные) понятия — это понятия, содержанием каждого из которых является вся концепция логики диалектического субстанциализма. Гегель в конкретизации логики пошёл дальше: он результат синтеза обозначает третьей категорией. Это демонстрирует богатство категориального аппарата гегелевской логики, но принципы её построения — платоновские, причём самые последовательные.

Диалектика тождества противоположностей, тождества, которое справедливо лишь для субстанции, — вынужденное и единственно возможное движение логики и философии монизма, ибо без этого нет никакой возможности не противореча себе объяснить мир, причину его существования и устойчивости и саму возможность его познания. Все попытки в истории философии восстановить вещественно-телесный мир как отдельную от субстанции истинную реальность (или наряду с ней, или вместо неё) всегда страдают алогичностью, впадают в неразрешимые логические противоречия. Преодолевая паралогизмы и абсурд эмпиризма, древнегреческая философия нашла единственный логически последовательный способ рассмотрения мира как определённой сверхчувственной субстанциальной сущности, в основе которой лежат полярные силы.

Литература

- Гегель 1970 — *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. Т. 1. / Под ред. М.М. Розенталя. М.: Мысль, 1970.
- Гегель 1971 — *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. Т. 2. / Под ред. М.М. Розенталя. М.: Мысль, 1971.
- Гегель 1972 — *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. Т. 3. / Под ред. М.М. Розенталя. М.: Мысль, 1972.
- Гегель 1974 — *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. / Под ред. Е.П. Ситковского. М.: Мысль, 1974.
- Гегель 1994 — *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. В 3-х кн. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994.
- Парменид — *Платон.* Парменид // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2 / Под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1993. С. 346–412.
- Софист — *Платон.* Софист // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2 / Под ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1993. С. 275–345.